

Хазанов Геннадий
Викторович

25.12.02

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ:

Я выпал из гнезда и ушел в лес

Культура. — 2002 — 19-25 дек. — с. 9

Геннадий Хазанов совсем недавно отметил пятилетие пребывания на посту художественного руководителя Театра эстрады.

За эти годы он успел предложить и опробовать несколько различных концепций развития театра. Впрочем, от многого по ходу дела уже отказался: и от варианта московского "Лидо", и от статуса государственной прокатной площадки для разнообразных антрепризных проектов. Со стороны может показаться, что Хазанов — "парадоксов друг", действует не слишком целенаправленно, то и дело отвергая свои же собственные идеи. При более внимательном рассмотрении понимаешь, что он — заложник не теории, но практики. И именно она подсказывает следующий шаг. В минувших сезонах Театр эстрады работал как репертуарный, показывая и собственную продукцию, и "гостевые" спектакли. В нынешнем там прочно и надолго обосновался мюзикл "Чикаго". Кстати, внешне Театр эстрады изменился до неузнаваемости в своем стремлении выйти на европейский уровень. О том, что осталось "за кадром", и о перспективах деятельности театра наш сегодняшний разговор.

— Геннадий Викторович, существование Театра эстрады в качестве своеобразной прокатной площадки для разнообразных антрепризных спектаклей перестало вас устраивать?

— Весной нынешнего года я почувствовал, что ситуация резко ухудшилась. Отчасти и по причине того, что качественный уровень антрепризно-го калейдоскопа оставал желать лучшего. Зрительный зал Театра эстрады вмещает 1300 человек, и ни один спектакль, кроме "Ужина с дураком", полных залов не собирал. Говорю только о драматических постановках, не о концертах. И я понял, что Театр эстрады обречен на небольшую загрузку зала в будние дни. Меня это устроило не могло, а потому я стал искать выход из положения. Кроме того, Театр эстрады в качестве прокатной антрепризной площадки мог существовать с большим трудом и по техническим параметрам. Здесь нет места для хранения декораций, а их нужно было менять едва ли не ежедневно. Да и сцена Театра эстрады — не лучший вариант для драматического спектакля.

В этот момент возник проект мюзикла "Чикаго". Само понятие мюзикла, мне кажется, для Театра эстрады — близкое и родное, потому что этот жанр, в принципе, находится между драматическим спектаклем и эстрадным концертом. Потом, никакой принципиальной разницы в том, идет ли на нашей сцене "Чикаго" или другой антрепризный спектакль, нет. Любая антреприза так же арендовала помещение Театра эстрады. Но в данном случае мы нашли оптимальный вариант с наименьшими техническими потерями. Для того чтобы размонтировать декорации к "Чикаго", нужно пять дней, собрать — столько же. А это можно делать один раз в году, потому что Театр эстрады не может позволить себе такую роскошь постоянно. Так что единственное различие между тем, что было раньше, и тем, что происходит сейчас, заключается в одной простой вещи: вместо

калейдоскопа названий только одно.

— Тем не менее Театр эстрады располагает значительным штатом технических сотрудников, и, помнится, два года назад вы говорили, что здесь появилась небольшая, но постоянная труппа из выпускников факультета музыкального театра РАТИ. Чем они заняты сейчас?

— Весь технический персонал как работал, так и работает, независимо от того, что в Театре эстрады сегодня идет. Что же касается труппы, то ее трехлетнее пребывание в театре, к моему огорчению, никаких радужных надежд в меня не вселяет. Оказалось, что в качестве самодостаточного коллектива они работать не могут. Думаю, что ни один режиссер на свете сегодня не смог бы сделать с нашей труппой такой спектакль, чтобы в зале Театра эстрады был аншлаг. Это значит, что они должны существовать только в качестве антуража. А дальше возникает проблема: приходит режиссер, который хочет здесь поставить спектакль. Я, что, должен заставлять его брать этих людей в работу? Он имеет полное право отказаться.

— Актеры вашей труппы заняты в "Чикаго"?

— К великому сожалению, актеры, окончившие факультет музыкального театра, не удовлетворили требованиям тех, кто проводил кастинг. Тогда возникает естественный вопрос: ежели они не годятся для того, чтобы играть в мюзикле, тогда для чего они вообще годятся? Кастинг проводили американцы, они никого не знали, но приглашали всех. Я не знаю, в каком количестве там были наши актеры. Но если они не попали в этот спектакль, то это значит, что они либо испугались и вообще не пошли на просмотр, либо пошли, но их не взяли. В результате в "Чикаго" не занят ни один из них.

— И какова же дальнейшая судьба актеров этой труппы?

— Пока еще не истек срок их контракта с Театром эстрады. Но думаю,

Г.Хазанов

что в таком количестве они вряд ли сохранятся. Кстати, мне очень жаль, но и спектакль Театра эстрады "Прощай, Марлен, здравствуй", где была занята вся труппа, собирал катастрофически мало зрителей. Катастрофически.

— Рано или поздно "Чикаго" покинет сцену Театра эстрады. Что вы предполагаете делать после этого?

— Я дальше все равно буду искать проекты, работающие в режиме "сегодня и ежедневно". Возможно, в течение сезона не удастся обойтись одним названием. Но планы у меня есть.

— То есть калейдоскоп названий больше не будет?

— Нет. Калейдоскоп обречен, ничего хорошего из этого не выйдет. Поезд ушел. Такой подход был актуален несколько лет назад, для того чтобы Театр эстрады элементарно выжил. И я настаиваю на том, что до моего прихода сюда пять лет назад Театр эстрады представлял собой заброшенное кладбище. Хотя и сегодня он является предметом для споров, разговоров, обсуждений.

— В чем суть этих разговоров?

— Например, меня многие спрашивают, не боюсь ли я, что Пугачева с Киркоровым захватят Театр эстрады? Я вообще ничего не боюсь. К тому же я — фаталист и верю: будет то, что должно быть. Моя задача, пока я здесь, — сделать все, что можно, в области реконструкции театра: и внутренней, и внешней. Вот вы говорите, что не были здесь с весны. Мы сейчас закончим беседу, и я вас просто проведу по театру, а вы сами увидите, что с ним стало. Первый этап реконструкции уже закончен, осталось завершить второй. Но чтобы это сделать, надо найти средства. И в этом

смысле мне обещали помочь на федеральном уровне, а не на городском, потому что город свой вклад уже внес. Некоторые мои друзья по демократическому прошлому упрекают меня в том, что Хазанов целует власть в плечико. На что я отвечаю: если власть даст мне деньги на окончание ремонта, я готов поцеловать ее куда угодно. Поскольку я как руководитель театра именно этим здесь сейчас конкретно занимаюсь. А что дальше будет со мной, с дирекцией, с художественным руководством Театра эстрады, один Господь знает. Но сидеть и ничего не делать только потому, что тебя могут заменить на этой должности, просто глупо. Тем более, скажу без ложной скромности: то, что удалось и еще, даст Бог, удастся сделать, останется на весь XXI век. Если, конечно, в стране не приключится никаких катаклизмов. И вряд ли у кого-нибудь поднимется рука все это менять, разве что необходимо будет поддерживать косметическое состояние.

— Вас не тревожит, что эти структурно-финансовые проблемы преобладают над творческими?

— Можно ведь и такой вопрос задать: какое отношение все это имеет к художественному руководству Театра эстрады? Имеет. Потому что от этого напрямую зависит, что может играть в театре, как и кем? Два года назад в Театре эстрады закрывался сезон, и ко мне подошел человек, проработавший здесь в технических службах 30 лет. И сказал: я хочу вас поздравить с тем, что практически на всех наших вечерних спектаклях в театре перестали блевать. При всей резкости формулировки, она очень точно отражает суть наших перемен. А ведь именно подобное и происходило раньше в Театре эстра-

ды, потому что туда ходил зрительский контингент определенного рода. И ходил потому, что ему предлагался тот продукт, который его удовлетворял. Отсюда следует, что для театра очень многое значит, и что там сегодня идет, и в каких интерьерах. А это хитроумно не может не волновать. И даже состояние туалетов — тоже мое дело, а не только директора, который, к счастью, мне очень помогает, беря значительную часть головной боли на себя. В советские времена с этим было проще. Юрий Никулин, например, добивался приема у Председателя Совета Министров СССР, и тот лоббировал документ по поводу реконструкции Цирка на Цветном бульваре. Но тогда было время приказов. Сегодня приказать не просто богатым, а супербогатым людям невозможно. Собственность — то государственная, а у государства денег очень мало. Нет, я абсолютно спокойно смотрю на свою судьбу. Меня совершенно не волнуют чьи-то домыслы, что я зубами держусь за свое кресло. Мои финансовые интересы в Театре эстрады не лежат.

— И все же в проводимой вами реконструкции определены и конкретные творческие перспективы?

— Да, в Театре эстрады будет открыт Малый зал на 220 мест. Мне очень хочется, чтобы театральные актеры могли реализовывать свою творческую энергию не только на драматической сцене, но и на концертной. Заниматься тем, что они от раза к разу делают в Доме актера на различных капустниках. Среди них огромное число очень талантливых людей, незаслуженно неизвестных. Это ведь только попав в шоу-бизнес, ты оказываешься в машине, которая

сама тебя начинает раскручивать и на тебе зарабатывать деньги. Конкретный пример — нынешняя телеконцертная звезда Максим Галкин. Славно он начинал. Но сегодня, с моей точки зрения, вылезают наружу все родовые травмы — отсутствие профессионального образования, театральной школы. А слава и деньги уже пришли. Цветы, успех, поклонники — все, он уже находится в этом наркотическом одурении. А у других молодых артистов просто нет никаких шансов так "засветиться". И вот Театр эстрады в своем малом зале будет для них открыт. Кстати, не только для молодых. Я мечтаю, чтобы сюда вернулась, например, Елена Камбурова.

Мне вообще сегодня интересен более камерный принцип работы. Шоу-бизнес — это концертный зал "Россия", Кремлевский дворец. Там большие финансовые проекты, поставленные на поток. Никто из тех артистов никогда в жизни не придет в зал на 220 мест, потому что их это не интересует. А меня тоже как артиста сегодня, наоборот, КДС не привлекает. Я и на разовые-то выступления хожу очень редко, поскольку "выпал из гнезда". До определенной степени все это осталось в прошлой жизни.

— Чем же сегодня занят выпавший из гнезда бывший артист разговорного жанра? В прошлой нашей беседе вы сказали, что свое актерское будущее связываете с драматической сценой.

— Как артист, я сегодня являюсь жертвой деятельности худрука Театра эстрады. Тем не менее весной этого года я сыграл в новом спектакле "Слуга трех господ" по немецкой пьесе, поставленной питерским режиссером Виктором Крамером. Вместе со мной там были заняты замечательные актрисы Ольга Волкова, Елена Санаева и Елена Ябец. В Москве этот спектакль не шел. Более того, я и не хотел бы его нигде играть, пока не откроется здание Театра Антона Чехова. Прыгать, как блоха, по разным площадкам не хочется. А через три часа после беседы с вами у меня состоится первая встреча с великой, с моей точки зрения, актрисой Инной Чуриковой. И видимо, прямо сегодня мы и начнем новую работу. Постановкой займется Леонид Трушкин, и, если все сложится благополучно, моя давняя мечта — сыграть с Чуриковой — осуществится.

То есть я действительно свое актерское будущее вижу больше на театральной сцене. Причем я не покидаю концертную эстраду окончательно, но мои выходы туда становятся все реже и реже. Просто я ушел в другой лес, в заповедник. И там чувствую себя сегодня более комфортно.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ